

А.Д. ЧИРКАСОВА
(Волгоград)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДИКАТНОГО КРИПТОТИПА 'КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ/ НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ' В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

На материале текстов современных периодических изданий рассматриваются семантические парадоксы классифицирующей категории предиката 'контролируемость/неконтролируемость' в условиях языковой игры и причины, порождающие их.

Ключевые слова: аномалия, контролируемость/неконтролируемость, парадокс, скрытая категория, языковая игра.

Несомненно, на сегодняшний день газета является одним из основных источников получения информации. Однако в последнее время она начинает уступать телевидению и радио, поэтому редакции периодических изданий прибегают к различным способам привлечения внимания людей. Одним из них является языковая игра, отражение средств которой можно обнаружить в необычных заголовках и фразах. Под термином *языковая игра* понимается «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [10, с. 86].

При этом зачастую коммуникативно значимыми в указанном выше лингвальном феномене оказываются смыслы имплицитные, выраженные в той или иной скрытой категории. Под скрытой категорией (криптотипом) принято понимать «семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящиеся явно (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [6, с. 457–458]. Скрытая категория может быть классифицирующей, «если ее значение является постоянным для данной единицы», или модифицирующей,

«если ее значение является переменным для данной единицы» (Там же, с. 458).

Мы рассмотрим классифицирующую категорию предиката *контролируемость/неконтролируемость*, исследованием которой занимались такие ученые, как Т.В. Булыгина [1], А.А. Зализняк [4], Т.И. Стексова [13], И.Б. Шатуновский [14] и др.

А.А. Зализняк так сформулировала определение контроля: «Про человека X можно сказать, что он *контролирует* ситуацию P (или что ситуация P является *контролируемой* для X-а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [4, с. 510]. Лингвист приводит типологию *неконтролируемых ситуаций*: «1) X вообще не является участником P; 2) X является участником P, но не контролирует P, так как ситуация в принципе неконтролируемая; или ситуация, в которой объект намерения не совпадает с результатом; или результат намеренного действия X-а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием» (Там же, с. 520).

И.Б. Шатуновский связывает исследуемую классифицирующую категорию с понятием воли: «Контролируемые P – это такие P, которые зависят от воли, от выбора ума субъекта (С). От воли С, от выбора его ума зависит в этом случае, быть P или не быть (P или не P)» [14, с. 191]. Из этого ученый делает следующий вывод: «Соответственно предикаты и предикатные выражения, обозначающие контролируемые P (имеющие признак '+ контроль'), включают в свое значение в качестве обязательного компонента представление об акте воли, ума С...» (Там же).

С точки зрения Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, скрытая семантика *контролируемости/неконтролируемости* проявляется через ряд семантических и грамматических ограничений [2, с. 437–477].

Семантические ограничения: невозможность использования с целевыми конструкциями и в повелительном наклонении. Это собственно семантические ограничения, т.к. грамматика позволяет поставить глаголы (например, *реветь, греметь*) в форму повелительного наклонения. Однако здравый смысл подсказывает, что нельзя побуждать к действию то, что не поддается контролю со стороны субъекта-агенса.

Аналогичное происходит и с целевыми конструкциями: если действие, происходящее в реальной действительности, не подвластно контролю со стороны субъекта, то оно не может быть соотнесено с понятием цели. Ср.: *Мать гремела посудой, чтобы всем домашним было понятно ее недовольство.* – **Гремела буря, чтобы...*

Грамматические ограничения могут быть следующими.

1. Правило распределения видов в императивных конструкциях с отрицанием. Если действие контролируемое, то в императивной конструкции без отрицания может использоваться любой вид глагола: *пой – спой*. В императивной конструкции с отрицанием в речевом жанре запрета возможно использование только несовершенного вида: *не пой!* Если же действие неконтролируемое, то возможно использование совершенного вида императива с отрицанием в речевом жанре предостережения: *не споткнись!*

2. Трансформационные связи. Личную конструкцию, обозначающую контролируемое действие, можно трансформировать в инфинитивную конструкцию: *Царица внезапно начала хохотать.* – *И царица хохотать!* Неконтролируемое действие невозможно выразить инфинитивной конструкцией, хотя значение внезапности и интенсивности возможно: *А дождь как польет!*

3. Соотносительность личных и безличных конструкций возможна только для контролируемых ситуаций, ср.: *Я не сплю.* – *Мне не спится;* *Я споткнулся.* – **Мне спотыкается**.

4. Использование настоящего времени в значении запланированного будущего характерно только для контролируемых ситуаций, ср.: *Завтра я иду в библиотеку.* – **Завтра я теряю документы.*

Рассмотрим, как функционирует предикатный криптотип ‘контролируемость/неконтролируемость’ в условиях языковой игры на страницах газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Экспресс-газета».

I. В одной из статей, посвященных выгодному страхованию квартир, читаем: *Причем застраховать свою ответственность могут не только собственники квартиры, но и те, кто проживает в них на правах аренды* (Моск. комсомолец. 2011. 6 апр.). В данном примере аномальной является актуализа-

ция семантики глагольной лексемы *застраховать* в сочетании с прямым дополнением *ответственность*: для реализации компонента «+контроль» используется рассогласование двух значений – ‘подвергнуть страхованию’ (кого-что, имущество, жизнь, дом от пожара, дачу, машину) [11, с. 577] и ‘обязанность, необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т.п. и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-либо’ (Там же, с. 668). Страхование так или иначе связано с тем, что ситуация по возмещению убытков находится под контролем специальной организации. Все это рассогласуется с семами лексемы *ответственность* (‘отчет в своих действиях, обязанность отвечать’), т.к. они предполагают самоконтроль человека.

В другом номере той же газеты находим: *Напомним, что нескольким парламентариям, имевшим наглость иметь собственное мнение, перекрыли предусмотренное законом финансирование* (Моск. комсомолец. 2011. 23 марта). Появление компонента «+контроль» в данном случае связано с комбинацией противоположных компонентов в пределах одной синтагмы: семы предиката *иметь* с противоположными экстралингвальными оценками. Так, конструкция «*иметь* + существительное мнение» обычно используется для передачи информации о том, что описываемое качество составляет особое достоинство субъекта, входит в арсенал средств, которые составляют его преимущества [9, с. 154]. Однако сочетание ее с выражением *иметь наглость*, выражающим отрицательную экстралингвальную оценку, приводит к семантическому рассогласованию (наличию в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений [3, с. 285]).

Дериват предиката *штамповать* (‘делать что-либо по готовым, избитым образцам’ [11, с. 730]) с постфиксом *-ся* получает значение невольности осуществления действия: *За чередой сенсаций, которые штампуются в нашем регионе в производственных масштабах, мы перестали интересоваться тем, чем живет наша администрация* (Моск. комсомолец. 2011. 10 марта). Однако в данном случае происходит переход «–контроль» в «+контроль». Этот процесс возможен благодаря восстановлению из коммуникативной ситуации неопределенного, но реального Агенса указанного действия, находящегося за кадром. Теперь данную конструкцию можно трансформировать в инфинитивную, что является одним из

* Звездочкой обозначены ненормативные, ошибочные конструкции или варианты употребления.

признаков контролируемого действия (*И ситуации штамповаться!*).

В одной из статей читаем: *Финансовые продукты появляются на свет буквально пачками* (Моск. комсомолец. 2008. 24 окт.). Значение словосочетания *появиться на свет* ('возникнуть' [11, с. 45]) указывает на неконтролируемость процесса. Из этого можно сделать вывод об аномальном сочетании его с лексемой *продукт*, в которой М. Кронгауз подразумевает некую бизнес-метафору, явно свидетельствующую о контроле: «Результат любой деятельности, в том числе и творческой, оценивается с точки зрения купли-продажи» [5, с. 36]. Таким образом, неконтролируемое действие в условиях языковой игры получает квалификацию контролируемого, и вся конструкция может быть употреблена в инфинитиве (*А финансовые продукты станут появляться на свет буквально пачками!*).

Сходную ситуацию мы наблюдаем в следующей фразе: *Неудивительно, что на свет появился рейтинг муниципалитетов, в соответствии с которым хуже волгоградцев в области живут только жители Нехаевского района* (Моск. комсомолец. 2011. 19 окт.). Значение уже известного нам предиката приписывается обезличенной статистике, вследствие чего возникают аномальные условия, и признак «–контроль» меняется на «+контроль».

В заголовке *Зеленая карта обрусевает* (Моск. комсомолец. 2008. 24 дек.) предикат *обрусевать* ('становиться русским по языку, обычаям, русифицироваться' [11, с. 743]) содержит в себе компонент «–контроль». Аномальность данного контекста вызвана сочетанием с субъектом *зеленая карта* (англ. *Green Card* – международный договор (полис) страхования автогражданской ответственности [7]), который по своей сути находится под контролем государства, что приводит к появлению у предиката признака «+контроль».

Не замерзнут ли эти важнейшие отрасли в условиях кризиса? (Моск. комсомолец. 2008. 24 дек.). Глагол *мерзнуть* ('приходить в негодность от мороза, холода' [8, с. 355]) представляет собой процесс, не подвластный контролю, но в данном контексте приобретает признак «+контроль», т.к. сочетается с субъектом действия, не существующим самостоятельно, а управляемым волей людей (управленцев, чиновников). В приведенном выше контексте становится возможным использование настоящего времени в данной фразе в значении запланированного будущего (*Завтра, в условиях кризиса, замерзнут эти важнейшие отрасли*).

Глагол *подрасти* ('увеличиться в размере, росте, протяжении и т.п.' [12, с. 553]) несет в себе устойчивый компонент «–контроль». Но при отнесенности предиката не к Агенсу, а к квази-Агенсу, который продиктован экстралингвальной презумпцией (чиновники и организаторы увеличивают выплаты), признак «–контроль» уступает противоположному признаку «+контроль», а всю конструкцию можно трансформировать в инфинитивную. Данный процесс можно наблюдать и в следующих примерах: *В 2009 году детские пособия и пенсии подрастут* (Комс. правда. 2008. 5 дек.), *Цены на главного гостя предстоящих праздников немного подросли по сравнению с прошлым годом* (Комс. правда. 2008. 2 дек.).

В заголовке *Квартплата взрослеет* (Комс. правда. 2008. 6 нояб.) существительное *квартплата* ('квартирная плата' [11, с. 44]) «одушевляется» глаголом *взрослеть* – 'становиться взрослым или взрослее' (Там же, с. 170), который выражает в прямом значении неконтролируемый процесс. Контекст же можно прочесть следующим образом: *квартплата увеличивается*. Однако как финансовые продукты не могут появляться на свет самостоятельно, так и «взросление» квартплаты не проходит без участия контролирующих лиц (чиновников). Это ведет к появлению признака «+контроль» у предиката *взрослеть*, а весь контекст можно употребить в форме настоящего времени в значении запланированного будущего (*Завтра квартплата будет взрослеть*).

II. В значительно меньшем количестве нами были обнаружены примеры обратного процесса. Так, в одной из статей читаем: *В итоге Ксения три часа промариновалась в пробках, везде опоздала, в суматохе чуть не забыла корону в салоне машины* (Комс. правда. 2008. 17 дек.). Предикат *промариноваться* является словообразовательным дериватом от *промариновать*, в значении которого есть заимствованный у глагола *мариновать* семный комплекс 'намеренно задерживать' (ср.: *мариновать* – 'намеренно задерживать решение, исполнение чего-л.' [11, с. 229]). Эти доли значения свидетельствуют об актуализации компонента «+контроль». Присоединение постфикса *-ся* переводит предикат *промариновать* в разряд неконтролируемых процессов, что проявляется в утере функции агентивности и возможности употребляться в форме настоящего времени для выражения значения «запланированного будущего» (**Завтра Ксения три часа промаринует в пробках*).

Тепло ушло в трубу. На Максимке отапливают улицу, а жильцы в домах мерзнут (Комс. правда. 2008. 25 окт.). В данном случае виден намек на фразеологическую единицу *пустить в трубу*, что значит 'растратить, растратить что-л.' [11, с. 416]. Сочетание ее с обезличенным Агенсом приводит к аномальному столкновению компонентов «–контроль» и «+контроль». Теперь контекст может быть прочитан следующим образом: контролируемый высшими инстанциями процесс – начало отопительного сезона – по непонятным причинам на самом деле оказывается неконтролируемым.

Во фразе *Но Гаретту Макнаморе повезло: 27-метрового монстра серфер поймал у атлантического побережья Португалии – в Прайя-ду-Норте* (Экспресс газета. 2011. 11 нояб.) также наблюдается процесс изменения признака контроля с «+» на «–». Предикат *поймать* ('схватить то, что летит, брошено или движется' [12, с. 892]) представляет собой результат действия, которое было направлено на его достижение, и Агенс полностью его контролировал. Однако в сочетании с лексемой *повезло* (от *повезти* 'посчастливиться, удачи' (Там же, с. 851)), указывающей на непреднамеренность того или иного события, глагол приобретает признак неконтролируемости и невозможность употребления в форме настоящего времени для обозначения запланированного действия, а Агенс получает функции Пациенса (**Завтра Гаретту Макнаморе повезет: 27-метрового монстра серфер поймает у атлантического побережья Португалии – в Прайя-ду-Норте*).

Как показывает наше исследование, предикатный криптотип *контролируемость/неконтролируемость* проявляет себя следующим образом. Во-первых, наблюдается переход признака неконтролируемости в ему противоположный. Угасание признака «–контроль» приводит к возникновению семантических парадоксов, когда определенные семы предиката в условиях указанного выше лингвального феномена редуцируются, уступая место антонимичным семам. Данный процесс в большинстве случаев является спонтанным, обусловленным нетипичным для предиката контекстуальным окружением, а постфикс *-ся*, маркирующий неконтролируемый процесс, утрачивает свое значение. При этом предикат в большинстве случаев приобретает один или несколько грамматических признаков контролируемости: можно трансформировать конструкцию в инфинитивную или использовать

форму настоящего времени в данной фразе в значении запланированного будущего. Появлению этих признаков способствует семантическое рассогласование (наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений), противоречие между лингвальной и экстралингвальной пресуппозициями, столкновение положительной и отрицательной оценок. Во-вторых, происходит переход ситуации контролируемой в неконтролируемую, что тоже отражается, прежде всего, в плане синтагматики. В этом случае предикат, приобретая признак 'неконтролируемость', может как иметь специальный маркер (постфикс *-ся*), так и оставаться декодируемым только в плане скрытой семантики. Наше исследование показало, что первый процесс преобладает над вторым, и в процентном соотношении (от всего числа примеров языковой игры, в которых была обнаружена трансформация рассматриваемого нами крипто типа) это можно выразить следующим образом: переход признака «–контроль» в «+контроль» – 81,3%; «+контроль» – в «–контроль» – 18,7%.

Литература

1. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М. : Наука, 1980.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры, 1997.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Яз. рус. культуры, 1998.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Яз. слав. культур, 2006.
5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990.
7. О международной системе «Зеленая карта» // Российский союз автостраховщиков. URL : <http://www.autoins.ru/ru/greencard/ru/buro/history.wbp>.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003.
9. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М. : Яз. слав. культуры, 2004.
10. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. 2004. № 2.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981 – 1984.
12. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2008.

13. Стексова Т.И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1998.

14. Шатуновский И.Б. Семантика предложений и нерелевантные слова. М. : Яз. рус. культуры, 1996.

*Functioning of the predicate cryptotype
"controllability/uncontrollability"
in the conditions of language play*

Based on the texts of the modern periodicals there are considered the semantic paradoxes of the classifying category of the predicate "controllability/uncontrollability" in the conditions of language play and the reasons for them.

Key words: *abnormality, controllability/uncontrollability, paradox, implicit category, language play.*

А.В. ЕГОРОВ
(Казань)

**ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ
ПРИЧАСТИЙ НА МАТЕРИАЛЕ
СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА
НОВОГО ЗАВЕТА**

Характеризуется употребление субстантивированных причастий в Новом Завете. Анализируются тексты греческого оригинала и русского синодального перевода Библии. Сделан вывод о том, что в большинстве случаев субстантивированные причастия используются в составе различных риторических приемов.

Ключевые слова: *древнегреческий язык, Новый Завет, риторические приемы, синодальный перевод Библии, субстантивированные причастия.*

Целью данной работы является исследование функционирования субстантивированных причастий в тексте Нового Завета, написанном на древнегреческом языке, а также в тексте русского синодального перевода. Еще известный русский лингвист XIX в. Фокков заметил, что «относительно причастий греческий язык

богат» [7, с. 139], что означает их широкое использование древними греками, а значит, значительную употребительность в тексте Нового Завета.

В работе впервые проводится детальное описание субстантивированных причастий в тексте Послания апостола Павла к Римлянам и Евангелий от Матфея и от Марка. Грамматические формы и синтаксические конструкции рассматриваются как лингвистический феномен, в непосредственной связи с содержательной стороной религиозного текста и его жанровой спецификой. Обращение к различным жанрам Нового Завета, а также учет литературных форм внутри жанра (аллегория, притча и т.д.) позволит охарактеризовать специфику каждого из них. К. Бломберг отмечает, что «каждый отрывок Евангелия помещается в особую категорию согласно своей форме. К числу конкретных форм относятся притчи, рассказы о чудесах, пословицы, возвестительные, парадигматические рассказы и т.д.» [3, с. 76].

В Послании к Римлянам апостол Павел доказывает, что христианство, хотя и связано глубокими корнями с иудаизмом, – это вера всего человечества. Основная идея Послания – всеобщая греховность людей и распространяющаяся на весь мир милость (благодать) Божья. Грешнику открывается путь, идя которым он может не только получить прощение, но и восстановиться в совершенстве и святости. Этот путь есть вера в Иисуса Христа, Сына Божья, Который умер, воскрес и живет вовеки, чтобы совершать примирение и восстановление [1, с. 13]. Евангелия от Матфея и от Марка являются законоположительными новозаветными книгами. Основная тема Евангелий – жизнь и проповедь Иисуса Христа, Сына Божия.

Методом сплошной выборки мы выявили 246 примеров использования причастий в Послании Апостола Павла к Римлянам, 913 – в Евангелии от Матфея и 544 – в Евангелии от Марка. Сравнительный анализ показывает, что апостол Павел в своем Послании к Римлянам часто использует субстантивирование причастия (39,8%). В Евангелиях от Матфея и Марка доля субстантивированных причастий существенно меньше: 21,6 и 15,3% соответственно.

Большая часть субстантивированных причастий встречается в составе различных риторических приемов. Апостол Павел нередко использует причастия в составе таких приемов, как однокоренной повтор, синтаксический параллелизм, антитеза, перечисление, перифраз.